

Второе письмо къ И. И. Дмитріеву.

Москва. 10 Іюля 1813 года.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ!

Донесеніе мое вашему превосходительству отъ 27 прошедшаго Февраля остается по сию пору безъ отвѣту, а я безъ разрѣшенія, даже заподлинно не знаю, получили вы оное, или нѣтъ? Слышу только, что угодно вамъ было отставить меня отъ службы моему отечеству безъ моей о томъ просьбы еще 2 Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имени моему, однако, смѣю сказать, безъ всякаго моего преступленія, и я поднесъ никакого законнаго письменнаго вида не имѣю на оную. Въ семъ недоумѣніи и находясь въ самомъ трудномъ положеніи жизни, рѣшился я отнести къ вамъ, милостивый государь, не касаясь званія вашего, министра юстиціи, но какъ къ частному благородному человѣку, и просить чистосердечно, что васъ огорчило противъ меня, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость? Исполнивъ всѣ обязанности сына отечества и честнаго человѣка, я надѣялся, что такого примѣрнаго усердія чиновникъ, каковымъ я себя быть показалъ, и въ такое притомъ еще время жестокости отъ нашествія непріятели, которому и исторія мало примѣровъ имѣеть, дѣлаеть честь начальству, подъ вѣдомствомъ котораго состоить, и заслужить, по крайней мѣрѣ, онаго вниманіе; но мнѣ, напротивъ, сіе усердіе обращается отъ васъ въ поруганіе, безчестіе и ужасное истязаніе. Сами враги моего отечества не были равнодушны къ усиліямъ моимъ въ исполненіи сихъ обязанностей, похваляли заботы мои къ сохраненію государственныхъ дѣлъ, надзору моему вѣренныхъ и оставшихся въ ихъ власти, а увидѣвъ, что я имѣю еще семейство, и узнавъ, съ какою опасностію жизни моей я исполнялъ долгъ присяги, не могли отказать мнѣ и въ уваженіи. Вы признаетесь, милостивый государь, что не

я исполнилъ бы свой долгъ, въ случаѣ, если бы мое правительство потребовало отъ меня отчета въ тѣхъ усиліяхъ, кои я употребилъ, дабы сохранить вѣренныя мнѣ архивы. По этой причинѣ осмѣливаюсь повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго и королевскаго величества съ просьбою оказать мнѣ милость и дать возможность привести въ порядокъ вышеназванные архивы и размѣстить ихъ въ одной залѣ; такимъ образомъ остальные три залы, гдѣ они разбросаны, могутъ служить помѣщеніемъ для войскъ вашего величества. Осмѣливаюсь прибавить, что архивы эти цѣнны еще по тому, что въ распряхъ о владѣніяхъ, возникающихъ между Русскими подданными, за справками обращаются къ нимъ, и они имѣють силу закона. Въ надеждѣ, что ваше величество милостиво примете мою просьбу, имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и покорностью, государь, вашего королевскаго и императорскаго величества смиренный и покорный слуга А. Б.-Р., статскій совѣтникъ Его Императорскаго Величества всея Россіи.

всякой бы согласился быть въ то время на моемъ мѣстѣ, и что гораздо легче осуждать поступки другихъ, будучи отъ театра ужаса на нѣсколько сотъ верстъ, и обвинять тѣхъ несчастныхъ, безъ малѣйшаго изслѣдованія, кои съ истиннымъ усердіемъ къ пользѣ отечественной жертвовали жизнию своею. Въ числѣ сихъ несчастныхъ поставить могу и себя: ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, ниже особеннаго наставленія, какъ поступать въ сіе время страха, я долженъ былъ руководствоваться клятвеннымъ моимъ общаніемъ, преданностью къ престолу законнаго Государя, любовью къ отечеству. Если бъ я и послѣдовалъ подлomu примѣру моихъ обоихъ сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долгъ присяги и въ трусости своей оставили мѣста, ими занимаемая, или, по просту сказать, бѣжали отъ должностей своихъ, оставивъ дѣла на произволь, то и въ тайной измѣнѣ престолу и отечеству, я съ своей стороны, могъ дать видъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣйшій; ибо, какъ вамъ уже извѣстно, имѣлъ отъ 9 Августа законной отпускъ на 28 дней (въ оное время еще нимало не думали, чтобъ непріятель овладѣлъ Москвою), слѣдовательно, срокъ сему отпуску долженъ кончиться около 9 Сентября, а непріятель взошелъ въ Москву 2 Сентября. Къ тому жъ, къ отъѣзду моему, по милости графа Бобринскаго, имѣлъ я деньги и лошадей; но при такомъ безнужномъ къ побѣгу моему положеніи, я не измѣнилъ присягъ и рѣшился ожидать приказанія начальства; а не получивъ онаго, самъ собою старался спасти дѣла вотчиннаго департамента. Плоды усердія моего видимы: ибо вотчинной департаментъ существуетъ; если же нѣкоторыя дѣла въ ономъ не въ томъ порядкѣ, въ которомъ были до нашествія непріятели, то это по тому только, что сей департаментъ находится въ Кремлѣ, а въ Кремлѣ нѣтъ ничего въ порядкѣ, даже и Иванъ Великой тронулся съ мѣста своего.

Имѣя къ личнымъ достоинствамъ вашимъ истинную приверженность, и зная притомъ, что вы имѣете благородную душу, въ полномъ смыслѣ разумѣнія сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому противъ меня поступку. Ибо товарищи мои, измѣнивъ престолу и отечеству, остались при своихъ мѣстахъ, а я, напротивъ, сохранивъ всѣ обязанности службы и сына отечества, и имѣвъ при томъ счастье спасти дѣла вотчинныя, исключаясь изъ оной, и вопреки даже милосерднаго закона: „*Никто безъ суда не накажется*“.

Въ такомъ горестномъ положеніи обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, и убѣдительнѣйше прошу, не обижайте меня въ безответномъ званіи своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте

юстиціи, высочайше вамъ ввѣренной; объявите, по крайней мѣрѣ, въ чемъ преступленіе мое состоитъ; ибо я долженъ оправдать мой поступокъ предъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и если бѣ не великодушіе графа Растопчина, главнокомандующаго въ Москвѣ, который даетъ мнѣ казенную квартиру, въ самомъ томъ домѣ, которой я спасъ отъ пожара и разграбленія, не взирая на отставку мою, то не зналъ бы, гдѣ съ семействомъ приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большаго затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненные потребности для бѣдныхъ малютокъ моихъ, и хотя такое положеніе есть слѣдствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ; а въ поруганіи чести и имени моего вы непременно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытомъ знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человѣку; и если припомните собственное свое несчастье*), и примѣните оное къ теперешнему моему положенію, то можете усмотрѣть, сколько достойна участь моя сожалѣнія! Вы искали въ то время себѣ покровителя, которой бы обнаружилъ вашу невинность; теперь я ищу сего покровителя въ васъ самихъ, сколько по долгу званія вашего, министра юстиціи, столько и по благородной душѣ вашей, и вы должны не только обнаружить невинное страданіе, но еще представить заслуги моему отечеству спасеніемъ дѣлъ вотчиннаго департамента. Съ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть, в. пр-ва. милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга, А. Б.-Р.

Въ отвѣтъ онаго письма, 3 Сентября, объявлено мнѣ отъ Московскаго прокурора, Желябовскаго, посредствомъ Московской Управы Благочинія, чтобъ я впредь въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе.

(Взято изъ Читеній Общ. Ист. и Др. 1859).

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба А. Д. Бестужева-Рюмина; мало извѣстно и служебное его поприще. Въ 1812 году онъ уже получалъ пенсію, а дѣдъ его имѣлъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ родствѣ ли съ нимъ графы Бестужевы-Рюмины и тѣ незаконнорожденные Бестужевы-Рюмины, которыхъ узаконилъ императоръ Александръ Павловичъ и изъ которыхъ одинъ (дядя историка) повѣшенъ 13 Іюля 1826 года. П. Б.

*) И. И. Дмитріевъ, въ царствованіе Павла, подвергся заточенію, безъ вины своей. См. „Взглядъ на мою жизнь“. П. Б.